

Мамычев Алексей Юрьевич,
доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права, ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса».

Мамичев Олексій Юрійович,
доктор політичних наук, доцент, завідувач кафедри теорії та історії російського і зарубіжного права, ФГБОУ ВПО «Владивостоцький державний університет економіки і сервісу».

Alexey Yurevich Matyuchev,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History Russian and foreign law, Vladivostok State University Economics and Service.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье предлагается и аргументируется необходимость разработки социокультурной (архетипической) стратегии политического исследования, направленной на реконструкцию и интерпретацию публично-властных институтов и управленческой практики в качестве устойчивых и преемственно воспроизводящихся политических феноменов в определенной социокультурной среде. Автор обосновывает, что социокультурная основа исследования должна рассматриваться как содержание, а политическая система и отношения (как социокультурные феномены) выступают формой политико-правовой жизнедеятельности общества, где первое — это сущностная, качественная характеристика публично-властной организации, а второе — внешнее, специфическое — конкретно-историческая (конвенциональная) репрезентация и оформление социокультурного содержания. В содержании работы излагается авторская многоуровневая система архетипического кодирования политического процесса, трансформации публично-властной организации общества и управленческой практики.

Ключевые слова: архетипы, государственное управление, политический процесс, политико-правовая организация общества, публично-властные отношения, социокультурные факторы.

АРХЕТИПІЧНІ ПІДСТАВИ ДЕРЖАВНОГО УПРАВЛІННЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ І СОЦІОКУЛЬТУРНІ АСПЕКТИ

Анотація. У статті пропонується і аргументується необхідність розроблення соціокультурної (архетипічної) стратегії політичного дослідження, спрямованої на реконструкцію та інтерпретацію публічно-владних інститутів та управлінської практики як стійких і послідовно відтворюваних політичних феноменів у певному соціокультурному середовищі. Автор доводить, що соціокультурна основа дослідження повинна розглядатися як зміст, а політична система і відносини (як соціокультурні феномени) виступають формою політико-правової життєдіяльності суспільства, де перше — це сутнісна, якісна характеристика публічно-владної організації, а друге — зовнішнє, специфічне — конкретно-історична (конвенціональна) репрезентація і оформлення соціокультурного змісту. У змісті роботи викладається авторська багаторівнева система архетипових кодування політичного процесу, трансформації публічно-владної організації суспільства і управлінської практики.

Ключові слова: архетипи, державне управління, політичний процес, політико-правова організація суспільства, публічно-владні відносини, соціокультурні фактори.

ARCHETYPAL GOVERNANCE GROUNDS: THEORETICAL- METHODOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS

Abstract. The article proposes and discusses the need for socio-cultural development (archetypal) political research strategy aimed at the reconstruction and interpretation of public government institutions and management practices as a sustainable and successively reproducing political phenomena in a certain socio-cultural environment. The author proves that the social and cultural basis of the study should be considered as the content, and the political system and the relationship (as socio-cultural phenomena) are a form of political and legal life of society, where the first — it is essential, qualitative characteristics of public power organizations, and the second — external, specific — concrete hysterical representation and execution of social and cultural content. The contents of the paper presents the author's multilevel system of coding the archetypal political process of transformation of public power of social organization and management practices.

Keywords: archetypes, governance, political process, political and legal organization of society, the public relations of power, socio-cultural factors.

Постановка проблеми. Центральним для сучасних досліджень соціально-культурної проблематики є питання про умови формування та функціонування держави в умовах глобалізації та інформаційної революції. Це питання є актуальним для сучасних досліджень соціально-культурної проблематики, оскільки воно стосується фундаментальних аспектів суспільного життя та розвитку.

власти и публично-властного управления является реконструкция социокультурных кодов (архетипов, социокультурных доминант), обуславливающих развитие политической системы и культуры общества, а также уровней этой обусловленности. Однако уровни, содержание и формы социокультурной обусловленности политического процесса являются одной из дискуссионных проблем.

Сложность и неоднозначность подобных исследований заключается, с одной стороны, в излишней “психологизации” данного исследовательского проекта, что не всегда отвечает задачам политологического анализа; а с другой — в определенной “сдержанности”, “осторожности” с которыми исследователь относится к глубинным социокультурным структурам политической культуры, что обусловлено отсутствием в теории достаточно ясной и авторитетной позиции по исследованию национальных оснований власти, политики, права и других политико-правовых феноменов.

В тоже время в теоретико-практическом плане необходимо отметить, что стремление ряда направлений современной политической мысли к “очищению” властно-политической коммуникации от всего национального, культурного, религиозного приводит к примитивизации политического познания, а значит к сознательному уходу исследователей: от решения сложных проблем организации государственно-правового пространства как сложноорганизованного и многоукладного общества; от понимания этнонациональных и

иных механизмов, обеспечивающих устойчивость публично-властной организации и особенность политического процесса; от выявления реальных причин деформаций публично-властных, юридических, социально-культурных институтов и практик взаимодействия в системе личность – общество – государство.

Анализ последних исследований и публикаций. В конце XX начале XXI в. западноевропейская политическая наука и публично-властная практика обосновывает и осуществляет резкий демонтаж национального самосознания и социально-культурной (политической, этнической, духовной, интеллектуальной и т. д.) специфики. При этом происходит “сборка” новой общности, в рамках которой многие уникальности и иные отклонения не являются основанием для идентификации (У. Бек).

Однако практика реализации данного проекта, по крайней мере на евразийском пространстве, вызывает много проблем и нестыковок. “Очищение” политических исследований от устойчивых социально-культурных доминант приводит: к повсеместному кризису ценностно-нормативных основ публично-властной организации (Дж. Грей, Е. А. Лукашева, А. Ю. Мордовцев, В. Н. Синюков, В. В. Сорокин и др.); к деформации политической культуры (Ю. С. Пивоваров, А. И. Соловьев, П. Штомпка), правосознания (П. П. Баранов), искажениям функционирования политических институтов и публично-правовых учреждений (И. Н. Игошин); к разрушению государствоведческих традиций, обеспечивающих стабильность

и воспроизводство социально-политической целостности и этнополитической стабильности (С. Н. Бабурин, Л. С. Мамут, Р. И. Соколова, В. И. Спиридонова, И. А. Умнова, В. Е. Чиркин и др.); а также к прагматизации и бюрократизации права (Г. В. Мальцев, А. Г. Кравченко); духовно-нравственному коллапсу и дегармонизации социально-нормативных регуляторов (Г. В. Мальцев, Н. А. Нарочницкая, М. Ремизов, Ю. А. Тихомиров и др.).

Обобщая новейшие достижения в этой сфере научных исследований можно выделить два основных направления, разрабатывающих либо инновационные (неолиберальные) формы политической коммуникации, где государственной власти и публично-властному управлению отводится весьма малое место как институциональной структуре, обеспечивающей национально-культурное единство и этнополитическую стабильность; либо революционные (неомарксизм, неоанархизм, космополитизм) формы социально-культурного единства, лишаящие ее какого-либо социального значения в будущем.

Однако два этих направления противоречивы, каждое из них представляет проблемное “рефлексивное поле”, “производя” достаточно спорные практические проекты публично-властной организации. В связи с этим возникает проблемный вопрос, а возможно ли национально-культурная и этнополитическая устойчивость вне государственно-правовых формах организации, способны ли глобальные гражданские институты (динамичные и постоянно пе-

реструктурирующиеся) обеспечить стабильную и предсказуемую эволюцию общественных систем и политических отношений?

Формулирование целей статьи.

Цель настоящей работы заключается в разработке социокультурной (архетипической) стратегии политического исследования, которая выступает “правопреемником” цивилизационного подхода в государствоведении и направлено на реконструкцию и интерпретацию публично-властных институтов в качестве устойчивых и преемственно воспроизводящихся политических феноменов в определенной социокультурной среде. В этом аспекте социокультурная основа исследования выступает как содержание, а политическая система и отношения (как социокультурные феномены) являются формой политико-правовой жизнедеятельности общества, т. е. первое — это сущностная, качественная характеристика публично-властной организации, а второе — внешнее, специфическое — конкретно-историческая (конвенциональная) репрезентация и оформление социокультурного содержания.

Такой методологический поворот в исследовании политической культуры и политического процесса основан на системном анализе всех факторов и закономерностей развития конкретной социокультурной среды. При этом главным в данных исследованиях становится анализ поведенческих образцов (культурных моделей) и клише, а также стереотипов мышления, характерных для представителей определенной культуры [1, с. 49]. В этом контексте спра-

ведливая позиция Сепира, озвученная на конгрессе Британской ассоциации этнографов, согласно которой культура на социально-психологическом уровне навязывает определенные стили политического мышления и поведения, включая типичные политические ритуалы и символы, даже позы и жесты [2, с. 49–50].

При этом в качестве ведущих методологических принципов используются: 1) принцип “понимающей интерпретации”, т. е. концепция архетипических основ публично-властной организации и управления выстроена методами понимания и объяснения, что в целом соответствует эвристическим установкам постнеклассической (понимающей) науки. Именно такой подход и позволил рассмотреть сферу социально-политической повседневности субъектов политики, особенности их политической активности, выявить факторы устойчивого развития отечественной государственности и институтов гражданского общества, оценить критерии определения эффективности политических доктрин, программ и мероприятий в их социокультурном измерении; 2) социокультурная конвенциональность, означает, что действующие в обществе ценностно-нормативные системы имеют конкретно-исторический и социально-коммуникативный характер. При этом познание последних обусловлено социокультурным и историческим контекстом, любое политическое явление или процесс теоретически и мировоззренчески нагружен и обусловлен социокультурными факторами и доминантами [3, с. 156].

Изложение основного материала. Повторяющийся политический опыт формирует определенные бессознательные (устойчивые, коллективные) факторы и доминанты взаимодействия, которые становятся архетипическими структурами или социокультурными кодами (архетипами) развития политической жизни общества. В то же время эти архетипические структуры влияют на наши представления и опыт, стремясь организовать их в соответствии с уже существующими моделями. Социально-политические архетипические структуры и модели, по нашему определению, представляют собой кристаллизацию политического опыта нации, фиксирующего базовые сценарии политического мышления, режимность взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институционально-властной организации социума.

В этом аспекте целесообразным представляется выделить следующую структуру архетипической обусловленности политической культуры и публично-властного управления.

1. Архетипический уровень политической жизни общества представляет собой первичный, базисный уровень формирования политической культуры общества, собственно, и представляющий собой фундамент. Он является несущей социокультурной арматурой, которая как обуславливает специфику институционализацию тех или иных явлений и процессов правовой жизнедеятельности, так и формирует “конгруэнтную смысловую и дея-

тельность перспективу” (М. Мид, Д. Клакхон и др.).

Ряд исследователей предлагают называть подобный уровень первичным, партикулярным слоем культуры, который “формируется преимущественно на уровне массового бессознательного, проявляющего себя при движении из частной жизни в социокультурное психе локального человеческого сообщества и обратно. В то же время партикулярная культура существует и как феномен индивидуального бессознательного, отражая общие тенденции частной жизни и во многом обуславливая формирование личности и ее социальных ролей, а также характер взаимодействия с другими индивидами” [4, с. 70]. Содержательно характеризуя данный уровень, можно выделить следующие составляющие: нравственно-когнитивные интуиции; надрациональные ценности (архетипические коды); архетипические образы и представления; архетипические предправовые первономры.

2. Квазиизмерение архетипических структур — это то социокультурное пространство, где коренятся и действуют основные социально-политические архетипы локального сообщества (этноса, этнического меньшинства, народности и т. п.). Именно на этом микроуровне идет непрерывное, достаточно медленное формирование социокультурных доминант, воспроизводящих специфичность и неповторимость политической культуры определенного общества и его особенные властно-правовые практики взаимодействия.

Следовательно, данное измерение отражают так называемые “произ-

водные” “социотворящие” факторы и источники. Другими словами, производность означает, что социально-политические коды и факторы, обуславливающие национальную политическую реальность, выражаются в обычаях, традициях, стиле восприятия политико-правовых явлений и процессов, нравственно-духовных доминантах и стереотипах взаимодействия в системе личность — общество — государство, в иных национальных и религиозных артефактах, обуславливающих особенности политической культуры, форм и практических схем удовлетворения духовных и материальных потребностей, сопровождающих их ритуалах.

При этом соотношение между архетипом и его производными не информативное, а энергетически-мотивационное. Например, сам К. Юнг подчеркивал, что архетипическое основание общества “не относится к наследуемым представлениям, но к внутренним диспозициям, которые производят одинаковые представления”. Первый уровень обуславливает не содержание, а форму упорядочения правокультурной жизни общества.

3. Эмпирический уровень политической жизни общества представляет собой уровень обыденного политического взаимодействия, в контексте которого осуществляется повседневное (практическое) поведение субъектов на основе сложившихся и преимущественно воспроизводимых форм и типизированных моделей социально-властного взаимодействия, достижения субъективных интересов и потребностей. Су-

щественное значение на этом уровне имеет, конечно, не только “поведенческая традиция”, но и “устная традиция”, а также сформированные на предшествующих уровнях нравственно-когнитивные готовности и установки в восприятии существующей реальности, а также правовые эмоции и установки (эмоционально-психологическая составляющая обыденного политического взаимодействия). Именно практическое (обычно-повседневное) поведение отражает реально, в отличие, например, от санкционированных (официально признанных) обычаев, специфику социально-политического бытия нации, этносов, конкретных групп.

В свою очередь, эмоционально-психологическая сторона отражает внутреннюю составляющую обыденного социально-политического. Данное отношение между индивидами строится на эмоционально-психологическом опыте.

4. Доктринальный (теоретический) уровень политической жизни общества представляет глубинные, сущностные (концептуальные, аксиологические, символические) характеристики политико-правовых явлений, процессов и связан с их представлением и оценкой в политическом мышлении. Этот уровень интегративный, сплачивающий существующее культурное содержание с базовыми, типформирующими установками, доминантами социально-политического развития и т. п. Он включает в себя следующие элементы, характеризующие данный уровень с точки зрения архетипической обусловленности: аксиологическую

(нормативно-ценностную), концептуальную (политические и юридические теории, доктрины, категории и понятия) и символическую (существующие государственно-правовые символы и ритуалы) составляющие.

5. Институциональный уровень политической жизни общества соответственно воплощает исторические закономерности развития конкретной политической среды, институционализирует сложившиеся, типизированные формы и модели позитивного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Справедливо полагают в этом плане П. Бергер и Т. Лукман, что “институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт”, в свою очередь, “логика (институционального развития — *Авт.*) свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии (стилю политического мышления, когнитивным установкам их восприятия и оценки — *Авт.*). Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики на институциональный порядок”. Следовательно, делают вывод исследователи, “институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан” [5, с. 92–94].

Данный уровень, кроме действующих политических институтов и структур, отражающих, по сути, статический элемент институционального уровня, включает в себя также

такие динамические элементы, как институционально-нормативная активность (законодательная, правоприменительная, судебная и другая политико-правовая практика), а также институционально-нормативная активность граждан и различных общественных институтов и структур [6, с. 86].

6. Квазиизмерение политической жизни общества — уровень, отражающий позитивные (имеющие социально-политическое одобрение) и негативные (вредные, опасные) политико-правовые явления и процессы. На данном уровне происходит взаимодействие существующей институционально-властной и правовой организации с реальными поведенческими практиками, преломление действующих институтов в национальном политическом мышлении.

Кроме того, следует полагать, что политико-правовое пространство представляет собой определенную сферу жизнедеятельности общества, в которой осуществляется взаимодействие социальных субъектов по поводу организации и осуществления политической власти, реализации конкретных интересов и потребностей, непосредственное руководство общественными делами и организация упорядоченности политического и правового взаимодействия отдельных индивидов, их социальных общностей, организаций, институтов и т. п.

Таким образом, политико-правовое пространство включает в себя институциональную структуру, ее политические, правовые, культурные и духовно-нравственные осно-

вы, обеспечивающие определенный государственно-правовой режим. В общественном сознании формируются определенные представления об окружающем индивидов социальном пространстве, предопределяя тем самым и политико-правовую организацию последнего, а само политическое взаимодействие субъектов в рамках этого пространства задает подлинный смысл и значение политических и правовых установлений, институтов в имеющихся условиях места и пространства [7, с. 256].

7. Уровень социально-политической целостности характеризует собственно культуру конкретного общества как целостный феномен, отражает ее специфику и адаптивные возможности перед вызовами современности [8, с. 304]. Он выражает три основных элемента, характеризующие специфику той или иной политической культуры, институциональные перспективы ее развития, возможности адаптации к внешним заимствованиям тех или иных институтов, импортированию каких-либо идей и доктрин, а также устойчивые формы и способы восприятия и оценки феноменов политико-правовой реальности, социокультурные стандарты и модели взаимодействия в системе личность — общество — государство [9, с. 45]. К этим элементам следует отнести:

а) доминирующий тип социально-политического мышления, отражающий соответственно, условие (языковое, коммуникативное, историческое), которое раскрывает и актуализирует политическое бытие для субъекта как особый “фон”, кон-

текст существования реальных политико-правовых феноменов;

б) социально значимые и легитимные стандарты и модели социально-политического взаимодействия, отражающие сложившиеся на уровне институциональной организации и в повседневной политической деятельности устойчивые модели взаимодействия в системе личность – общество – государство, а также сложившуюся и разделяемую большинством систему восприятия и оценок (национальная когнитивная матрица), протекающих внутри общества и за его пределами политико-правовых явлений и процессов. Эта составляющая отражает высшие формы человеческой деятельности, которые имеют коллективное происхождение (Э. Дюркгейм), а также действующую в обществе доминирующую политическую и правовую идеологию;

в) социально-политическую психологию нации, отражающую в интегративном виде социально-политическую чувствительность и социально-политические стереотипы властного взаимодействия. Причем эта политическая чувствительность, когнитивные установки и готовности (определяющие стиль, сюжетные линии и ценностные предрасположенности) находят свое выражение в преобладающих шаблонах поведения, моральных нормах, массовых оценках и суждениях по поводу тех или иных политических и юридических явлений и процессов [10, с. 203].

Для понимания политических трендов развития государственного управления необходим анализ социокультурной обусловленности

властных отношений, а также реконструкция социокультурных кодов (архетипов, доминант). Социокультурная обусловленность развития последнего связана с кристаллизацией политического опыта нации, фиксирующего базовые сценарии политической мыследеятельности, режимность взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институционально-властной организации социума.

В этом аспекте социокультурная основа исследования выступает как содержание, а политическая система и отношения (как социокультурные феномены) являются формой политико-правовой жизнедеятельности общества, т. е. первое – это сущностная, качественная характеристика публично-властной организации, а второе – внешнее, специфическое – конкретно-историческая (конвенциональная) репрезентация и оформление социокультурного содержания.

Для описания социокультурной целостности развития политических явлений и процессов в работе разрабатывается следующая многоуровневая модель: 1) архетипический уровень (нравственно-когнитивные интуиции, надрациональные ценности, архетипические образы и символы, социокультурные первоформы общественного взаимодействия; 2) квазиизмерение архетипических структур (социально-политические коды и доминанты, которые выражаются в политических обычаях, традициях, стиле восприятия политико-правовых явлений, нравственно-духовных доминантах и сте-

реотипах взаимодействия в системе личность – общество – государство); 3) эмпирический уровень политической жизни общества (“поведенческая традиция” и “устная традиция”, социально-политические и правовые эмоции, установки); 4) доктринальный уровень – аксиологическая (нормативно-ценностная), концептуальная (политические и правовые теории, доктрины, категории и понятия) и символическая (существующие государственно-правовые символы и ритуалы) составляющие; 5) институциональный уровень – действующие политические институты и структуры (статическое измерение), институционально-нормативная активность государства (законодательная, правоприменительная, судебная и иная публично-властная деятельность), институционально-нормативную активность граждан и различных общественных институтов и структур (динамические элементы); 6) квазиизмерение политической жизни общества – позитивные (имеющие социально-политическое одобрение) и негативные (вредные, опасные) политико-правовые явления и процессы; 7) уровень социально-политической целостности – доминирующий тип социально-политической мыследеятельности, социально значимые, легитимные стандарты и модели социально-политического взаимодействия, а также сложившуюся и разделяемую большинством систему восприятия и оценок (национальная когнитивная матрица), социально-политическую психологию нации.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших

исследований. В настоящее время на постсоветском пространстве наблюдается рост конфликтогенной напряженности в обществе в связи с принятием политически и социально значимых решений, проектированием нормативных правовых актов, формулированием и реализацией принципов правовой политики государства, свидетельствуют о сохранении и усилении традиционных ценностно-нормативных систем, этноконфессиональных традиций, устойчивых духовно-нравственных стандартов и норм, которые в условиях трансформации публично-властной организации всегда играют огромную роль.

Снизить эффект непредсказуемости в развитии будущего сценария трансформации публично-властной организации и управления позволяет анализ архетипических оснований политической интеграции и социокультурной трансформации властных институций. Предложенная модель архетипического кодирования требует дальнейшей комплексной реконструкции архетипической архитектуры (социокультурной и антропологической матрицы политической мыследеятельности и политического мировоззрения), специфических трендов, факторов и доминант, влияющих на эволюцию и преемственность публично-властной организации и управления, политических отношений, политической культуры общества. Такое комплексное рассмотрение позволит сформировать прочную и ясную основу не только для прогнозирования закономерностей развития постсоветского политического про-

странства, но и для формирования стратегий, принципов государственной политики и управления, разработки доктринально-политических документов, программ и т. д.

На основании последнего в дальнейшем необходима системная разработка приоритеты государственного управления в сфере устойчивого развития публично-властной организации в XXI веке, а также системное изложение устойчивых направлений эволюции публично-властной организации и доктринально-программная фиксация последних в современных политических программах, доктринах, управленческих ориентирах, целях, задачах и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Моисеева Н. А., Сороковикова В. И.* Менталитет и национальный характер (О выборе метода исследования) / Н. А. Моисеева, В. И. Сороковикова // Социологические исследования. — 2003. — № 3. — С. 49.
2. *Мид М.* Культура и мир детства / М. Мид. — М., 1988. — С. 49–50.
3. *Мамычев А. Ю., Овчинников А. И., Мамычева Д. И.* Архетипические и социокультурные основы право-
4. *Мостовая И. В., Скорик А. П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности / И. В. Мостовая, А. П. Скорик // Политические исследования. — 1995. — № 4. — С. 70.
5. *Бергер П., Лукман Н.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Н. Лукман. — М., 1996. — С. 92–94.
6. *Мордовцев А. Ю.* Национальный правовой менталитет: Введение в проблему / А. Ю. Мордовцев. — Ростов н/Д, 2002. — С. 86.
7. *Мордовцев А. Ю., Попов В. В.* Российский правовой менталитет / А. Ю. Мордовцев, В. В. Попов. — Ростов н/Д, 2007. — С. 256.
8. *Рулан Н.* Историческое введение в право / Н. Рулан. — М., 2005. — С. 304.
9. *Юридические архетипы в правовой политике России* / [А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, А. В. Монастырский и др.]. — Ростов н/Д, 2009. — С. 45.
10. *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции / Ж. Дюби. — М., 1991. — С. 203.